

ЗАВОРТНЮК

Те, кто был в театре у Табакова, знают эту актрису. Остальные знакомы с ней недавно — как с няней. Блистательная Настя Заворотнюк ушла из театра, но все же не в монастырь, а на ТВ, где и нашла свою славу.

— Настя, почему вы изменили "Табакерке" с телесериалом "Няня"?

— По острой необходимости. Так хотелось в кино сниматься...

— Так хотелось быть звездой!

— Ну да, а разве кому-то не хочется? Вы знаете, очень сложно все совместить на самом деле, тем более, когда идут съемки, мое время целиком принадлежит киностудии — с 8 утра и практически до 12 ночи. Даже во сне мне все это снится, я все это проигрываю и разговариваю уже немножечко вот так. (С акцентом.)

— Надо сказать, у вас получается...

— Ну так а шо вы хотите? Моя героиня, Вика Прудковская, она ж с Симферополя!

— Да, Вика Прудковская — дивчина гарная. А что вам говорили и говорят коллеги, что Олег Павлович Табаков говорит про вашу Вику, или он теперь покрыв вас презрением и вообще не общается?

— Он сказал, что ему нравится, что я делаю. Звонила Марина Зудина, говорила, что и ей это нравится. Сережа Безруков с Ирой приезжали. Американские продюсеры, когда я им предложила: вот давайте я поговорю с акцентом, — отнекивались, мол, мы боимся, что мы не услышим. Я говорю: услышите. Вот смотрите (говорит с украинским акцентом): ну шо угодна, панимаєте? Патаму шо ж эта немножка иначе все звучит. И они сразу на это запали и сказали: все-все, вот так закрепить, оставить и усилить в 10 раз.

— Где вы в самом деле научились так разговаривать?

— В театре Табакова есть такая актриса, Ольга Блок-Меримская, которая сама родом из Симферополя. И она много рассказывала всяких баек. Они звучат так смешно. Просто невозможно. Она рассказывала нам про какую-то официантку, которая говорила: "Та у нас тут усё есть, усё есть. Есть рыс, пшано, усё есть". И вот это "рыс-пшано" она рассказывала полчаса, и весь театр лежал просто от этих баек. И я это запомнила. А когда я прошла кастинг на "Няню", меня пригласил к себе Александр Завенович Аюпов, посадил перед собой и сказал: "Знаешь что, давай уже с этим акцентом жми до горы. Разговаривай только так. Говори дома так. Если хочешь, мы тебя отправим в командировку в Мариуполь, шо бы понабиралась там всего этого... Я говорю: "Не сомневайтесь, мы придем шас с Олей Блок, сядем у нее дома, и наутро я буду разговаривать только так". В общем, так оно и получилось.

— Вы сами ведь из Астрахани?

— Да.

— Тараньку, наверное, любите.

— Обожаю, жить без нее не могу. Раньше еще черная икра была.

— Как вы ее любите есть?

— Без всего, просто ложкой. Икра-пятиминуточка. Ай-й-й-й. Вкусенькая.

— В общем, вы лихая астраханская девчонка...

— Да, у меня на четверть казачья кровь, и, видимо, сильная очень. Бабушка из астраханского казачества, а дед из донского. Но кровь сильная — шашкой порубать мне часто хочется и направо и налево.

— Несмотря на роль хохлашки, к Украине вы, получается, не имеете никакого отношения?

— Получается так. Правда, родители говорят, что задумали они меня во Львове.

— Родители жили там?

— Нет, они приехали туда на какое-то время, встретились и там в общем-то...

— Театральный вы закончили в Москве?

— МХАТ. На курсе Авангарда Леонтьева.

— Я поняла, вы, в принципе, не бедствуете. К тому же еще муж — бизнесмен?

— Да, и сама я умею немножко.

— Ну понятно, жены бизнесменов часто попадают в телесериалы благодаря кошельку мужа.

— Ну не надо. Совсем не так. Вы знаете, на кастинге были американские продюсеры. У них все настолько серьезно, и с ними очень приятно работать.

— Почему именно вы стали няней?

— Мне позвонили и предложили приехать. Я говорю: "Вы знаете, я вот отдыхаю". — "Ну, может быть, вы соберетесь, ну, может быть, вы прилетите". Как-то все так спокойно... Пришла, здарсьте, здарсьте, вот вам текст, ну хорошо. Быстренько выучила этот текст, вошла, сказала все это. Говорят: ну замечательно. Оказывается, все было решено в самый первый день. Но я этого не знала. Я совершенно спокойно улетела обратно. Потом мне позвонили, говорят: давайте вы уж прилетите еще разочек. Я думаю, ладно, да и дети уже взвыли: мы хотим в Москву, нас достал уже этот юг...

— Папа и мама у вас тоже работают на телевидении?

— Да-да, у меня как-то так сейчас получилось. Папа — режиссер у Бориса Ноткина, брат, Святослав Заворотнюк, сейчас работает на ТВ. Мама преподает в телеуниверситете в "Останкино".

— Мама у вас ведь известная театральная актриса, народная артистка.

— Да, народная артистка. Она травести — знаете, такое амплуа. Она играла всю жизнь детей. И это так замечательно. Вот сейчас ей уже не 18, а глаза абсолютно дитячьи. И она не играет в это, оно так и есть.

— У вас глаза, наверное, в нее?

— Нет, у меня папины.

— ТВ — это низкое искусство?

— Невозможно заниматься делом и давать оценку. Так... я занимаюсь сейчас низким искусством. Нет, я это все очень люблю и отдаю телесериалу все, что только возможно.

— А может быть, вам просто надоело

МОЯ ВТОРАЯ НЯНЯ

Анастасия ЗАВОРОТНЮК:

"За акцентом ехать в Мариуполь мне не нужно было — ему обучают в театре Табакова"

тянуть ляжку в театре? Тут два месяца в эфире — и уже всероссийская популярность, понимаешь.

— Да, приятно, ходишь по улицам, все с тобой здороваются, как... как в деревне.

— Вы создали опасный прецедент. А ну как все побегут из театров за деньгами и славой?

— Я думаю, что я не первая, кто сталкивается с таким вот выбором, но я предполагаю, что это временное явление, потому что театр — это очень важно, это дом все равно, как бы то ни было. Мне очень нравится играть в театре на самом деле. Когда это хороший спектакль, я просто счастлива. Потому что когда плохой, знаете, я плохой зритель, мне очень сложно даже досидеть до конца. Мне тяжело. Я не могу себя собрать, чтобы потом еще зайти за кулисы, что-то там сказать, выдать из себя какие-то комплименты. Потому что я вот не люблю ложь. Не потому, что я не люблю ложь — высокопарно. А потому, что мне тяжело вот выталкивать из себя как-то: "Ой, ты так играла..." — нет на это сил. Тяжело.

— Анастасия, сказка про Золушку, наверное, у вас самая любимая?

— Ага, вот вы куда?

— Десять лет в театрах от зари до зари...

— Да, вы знаете, фантастическая вещь — телевидение, потому что действительно много что сыграно, и с удовольствием, и замечательные были роли. А вот здесь как-то удивительно — две недели только шел сериал, прилетаю в Питер на гастроли, и все уже меня знают, здороваются.

— И все же вы верите в сказки?

— Про принца? Да, верю. Это случилось в Рождество. 11 лет тому назад. Вышла я на улицу, взяла рукой...

— Машину, что ли, ловили?

— Машину ловила, конечно.

— И тут он останавливается?

— Останавливается.

— Извозом занимался, значит?

— Да нет, нет. Он сам не понимает, как это с ним могло такое случиться! Не смог проехать мимо девушки, которая была вся в делах и... замужем. 48 проблем надо было в тот вечер решить. И надо было все как-то совместить. Я ничего не успевала. Надо было купить подарки, цветы. Он говорит: "Вы знаете, давайте я вам помогу, раз у вас такой тяжелый день". Выходя из машины, я сказала: "А кстати, знаете, приходите с женой в театр". И вот он пришел. Без жены. Сел на два места сразу.

— Он толстый, что ли?

— Высокий блондин. Худой. Без желтых ботинок, правда. Но ничего.

— И вот они, рука и сердце, и счастье? 11 лет будете отмечать в этом году?

— Да, 11 лет, 11 лет.

— Родили ему сына?

— Да, сын у меня родился в Лос-Анджелесе.

— Ну да, сейчас модно — всякие известные актеры, звезды ездят в американские клиники или там в швейцарские роддома, рожают детей за бешеные деньги, но доверяют нашим врачам.

— Ничего не хочу сказать плохого про наших врачей. Но поскольку у меня двое детей и младший родился в Штатах, то я, как говорится, почувствовала разницу.

— В чем же разница? У всех одно и то же — мальчик или девочка...

— Родился мальчик, и я кричала на весь роддом: "Принесите мне шампанского!" Мне сказали: "Нет, извините, только айс-строберри (клубничный лед)". Я была так счастлива, я пела на весь роддом: "Оле-оле-оле. Россия, вперед!" — потому что у меня родился мальчик — 4 килограмма.

— Ничего себе, жидкая вы откормили какого.

— Хороший был, такой пельмень сладкий.

Самый лучший.

— Как вы назвали его?

— Майк.

— А девочку вашу как зовут?

— Аня.

— Девочка старше, да?

— Девочка старше. Ей скоро уже исполнится 9 лет. Еще одна рождественская сказка, потому что она родилась в Старый Новый год. Просто в ночь новогоднюю. Я пряталась ото всех, говорила: "Тихо, не говорите никому, что тут со мной происходит". Звонила своим знакомым врачам, говорила: "Так. Что-то тут неладно".

— Ничего себе. Не боялись? Некоторые сразу бегут к врачам.

— Ужасно, ужасно боялась. Мне казалось, что я умираю просто.

— Рожали девочку здесь?

— Да, девочка здесь родилась.

— Знакомые врачи были, слава богу, да?

— Конечно, конечно. Ирина Сергеевна держала меня за руку, говорила: "Все хорошо. Вот они, первые 4 кг в твоей жизни. Все будет хорошо".

— Четыре года назад вашу квартиру ограбили, и вся театральная Москва, насколько я помню, за вас очень сильно переживала, потому что вы были одна с детьми дома.

— Да. Это был неприятный инцидент, конечно, мягко говоря. Потому что я, знаете, думала, что нам точно не выбраться из этой передраги, поскольку те люди были и без масок, и ножи, и дети.

— А как вы им дверь-то открыли, Настя?

— Ой. Не хочется про это про все вспоминать. Так случилось, что масса была всяких накладок — и домработница должна была прийти в этот момент, и бабушка открыла. И, в общем, ну много всяких было обстоятельств, которые, конечно, не хочется вспоминать. Но слава богу, что мы все остались живы.

— Насколько я слышала — кольца, шубы, деньги, вы все сложили в большую авоську и отдали этим негодям.

— Да, выясняется, что это не самые большие потери в жизни. И потом ко всему надо относиться философски. Если это случилось, значит, не просто так. Не просто так мы остались живы.

— Тыфу-тыфу-тыфу. Не возникло после этого чувства — чертова Москва, уеду отсюда куда подальше, невозможно так жить?

— Да нет. Нет. Нет. Вот я вам говорю, это все зависит от того, как на это посмотреть. Многие говорят, что все, уезжаю в Америку. Эмигрирую. А можно посмотреть просто с точки зрения того, что, может быть, в чем-то и ты не прав. Может быть, что-то нужно поменять в своей жизни.

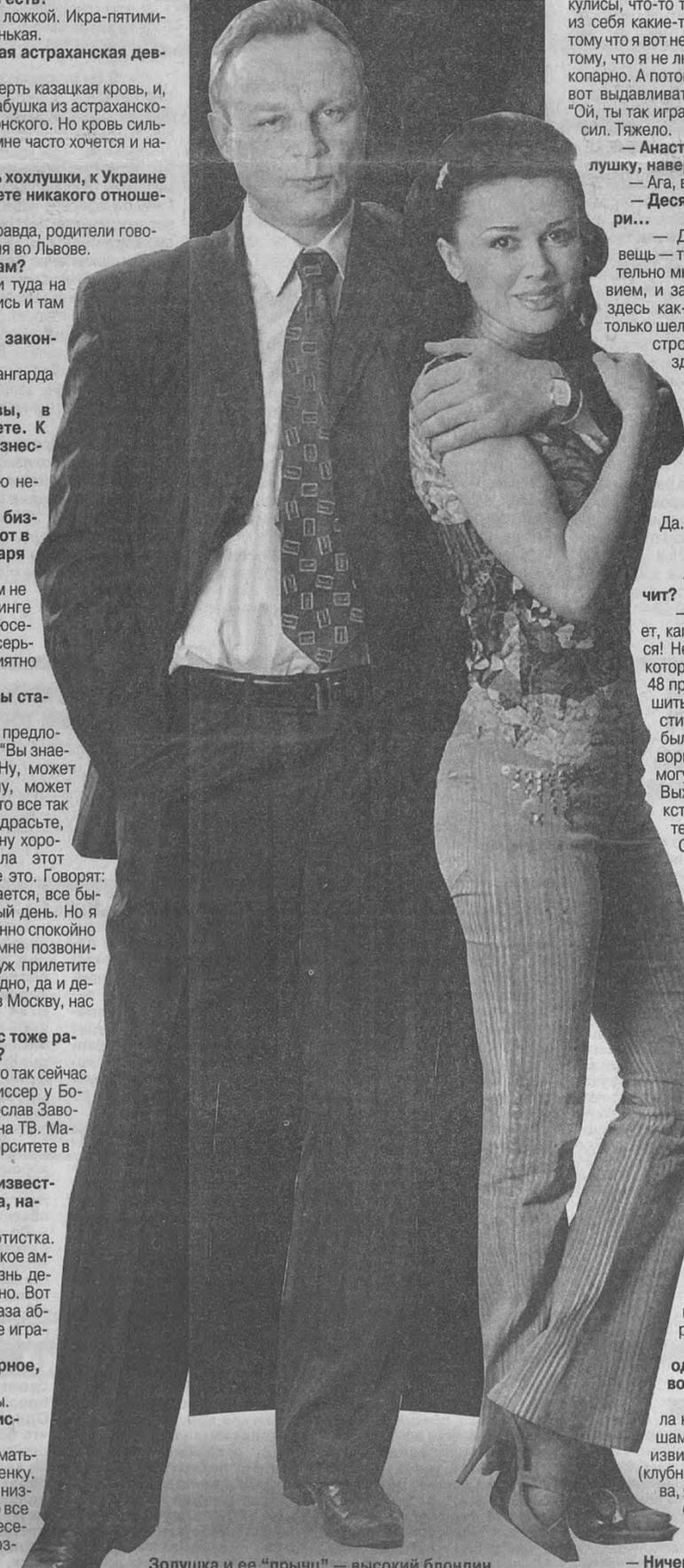
— Анастасия, нет ли у вас ностальгии по страстным театральным монологам, заламываниям рук, апелляции к залу?

— Вы знаете, у меня остался театр Антона Чехова. Правда, без заламывания рук, без трагических монологов пока.

— Что же так?

— В театр, конечно, многие приходят, чтобы поплакать. А некоторым нужно, наоборот, — улыбнуться, посмеяться, отдохнуть. И такие спектакли тоже есть. Вот, кстати, я знаю, за что люблю сериал наш? Потому что мы пытаемся помочь людям улыбнуться. Потому что так много беды вокруг, так много стресса и напряжения, что уже зашкаливает. Поэтому нужны проекты, нужны спектакли, нужны сериалы, где люди могли бы посмеяться.

Элина НИКОЛАЕВА.

Золушка и ее "принц" — высокий блондин.